

Научная статья
УДК 930.2
doi: 10.17223/15617793/479/13

Анализ дискурса позднеантичных и раннесредневековых источников: методы и перспективы

Дмитрий Сергеевич Коньков¹

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия, dkonkov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема использования различных исследовательских методов анализа исторического дискурса для изучения текстов периода поздней Античности и раннего Средневековья. Анализ дискурса источников позволяет решить вопрос семантического смещения или подмены смыслов понятий при буквальном прочтении исторического текста. В целях наиболее комплексного анализа предлагается использовать элементы концепций Р. Козеллека, М. Фуко, К. Скиннера и критического дискурс-анализа на разных уровнях интерпретации.

Ключевые слова: история понятий, история дискурсов, раннесредневековые исторические источники, методология истории

Для цитирования: Коньков Д.С. Анализ дискурса позднеантичных и раннесредневековых источников: методы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 119–128. doi: 10.17223/15617793/479/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/13

Discourse analysis methods: Applicability to the research of late antique and early medieval texts

Dmitriy S. Konkov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, dkonkov@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of the formation of a syncretic approach to the analysis of the discourse in the late antique and early medieval sources. The existing methods of analyzing the discourse of historical sources have proven their heuristic efficiency in providing the identification of new information about the motivations and goals of text creators, the perception of texts by readers, the ideological continuity and transformation of a specific space of meanings. However, all these techniques were created and tested on the material of the texts of the Modern Age. Researchers of the Antiquity and the Middle Ages, although regularly turning to the analysis of discourse in a way of criticism of historical sources, did not formalize their approaches as special methods. Moreover, there was a position that the linguistic turn in the humanities did not affect antiquity and medieval studies, since these disciplines already widely used linguistic research methods. However, the achievements in research of discourses of the Modern Age proved the possibility of revealing a new level of information about texts and provided additional verification of research results. The author of the article proposes a generalized model for the analysis of antique and medieval texts, taking into account the limitations imposed by the peculiarities of their creation and existence. To create this model, the most significant and resonant concepts of the discourse analysis of historical and political texts were selected and compared in terms of their heuristic mechanics and capabilities – the history of concepts by R. Koselleck, the analysis of discursive formations by M. Foucault, the Cambridge School of the history of political thought by K. Skinner, J. Dunn and J. Pocock, and critical discourse analysis by N. Fairclough and R. Wodak. The first three concepts are correlated and complementary, which has already been discussed in the historiographic literature. They demonstrate the development of discourse in a long time dimension. Critical discourse analysis, on the other hand, provides a detailed study of an individual specific text. These approaches were analyzed in order to identify methodological tools relevant to the tasks of studying antique and medieval sources, and are compatible with each other. As a result, a sequence of analytical actions was proposed to identify the features of the discursive practices of the period of creating a text and the intentions of its author: identifying the discourse frame of the emergence of the text (the context of the emergence of the text as an author's statement among other comparable statements); determining the discursive formation within which the text emerged (as a response, question, comment); defining the semantic content of key concepts of the text in a historical context; identifying the discursive topoi used by the author – which makes it possible to draw a conclusion about the social practice of the text's existence and the possible system of interaction between the author and the reader.

Keywords: history of concepts, history of discourses, late antique historical sources, early medieval historical sources, methodology of history

For citation: Konkov, D.S. (2022) Discourse analysis methods: Applicability to the research of late antique and early medieval texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 119–128. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/13

Основной проблемой, на которой фокусируется данный текст, является создание модели комплексного анализа дискурсов античных и раннесредневековых источников. Следует остановиться на том, насколько востребована подобная методологическая модель в настоящий момент. Г. Халсалл в своем обзоре традиции изучения позднеантичных и раннесредневековых источников описывает влияние лингвистического поворота 1980-х гг. на изменение подходов к историческим текстам. Он отмечает, что некоторые историки относятся к лингвистическому повороту с определенной враждебностью (происходящей, оговаривается Г. Халсалл, в основном от невежества). Однако данный подход, по его словам, все же сместил акценты в интерпретациях текстов на анализ позиции автора, позиции читателя и перформативности текстов в различных исторических условиях. В то же время исследователь призывает не переоценивать этапность лингвистического поворота для изучения раннего Средневековья. В силу ограниченности количества и качества источников, особенностей их воспроизводства, интертекстуальности и ценностности их содержания медиевисты пришли к практикам, во многом подобным лингвистическому повороту, самостоятельно [1. Р. 59]. Действительно, взгляд на произведение из контекста его создания предлагается, например, уже в ныне хрестоматийной работе У. Гоффарта, анализирующей традицию раннесредневекового историописания [2]; центральным же этот подход становится, например, у А. Камерона, что позволяет ему по-новому интерпретировать дискурс Синезия Киренского в отношении варваров, а затем радикально модернизировать представления об отношениях между христианами и языческими авторами в империи [3, 4]. В отечественной науке проявились похожие тенденции. В частности, они нашли отражение в историко-филологической критике [5–7] и в современных исторических исследованиях, активно использующих зарубежный методологический опыт [8, 9]. Можно заключить, что лингвистический поворот с точки зрения внимания к тексту, автору, реципиентам, контекстам создания и бытования источника оказал значительное влияние на современную медиэвистику. Однако потенциал лингвистического поворота этим отнюдь не исчерпывается, что было убедительно показано на историческом материале других периодов. В частности, рассмотрение текста как высказывания в историческом контексте позволяет осуществить реконструкцию дискурсивных практик и в конечном счете тех социальных, культурных, идеологических смыслов, которые транслировались и воспринимались с помощью этих практик. На данный момент нет методологии анализа дискурса, построенной специально для исследований раннесредневековых источников. Но методологические наработки, существующие в от-

ношении позднего Средневековья и Нового времени, могут быть использованы и для более ранних периодов – безусловно, принимая во внимание специфику количества и качества источников. В данной статье предлагается вариант того, каким образом это может быть осуществлено.

В рамках анализа исторического дискурса может быть выделено несколько уровней рассмотрения. Базовым представляется анализ понятий. Дискурс как система социально и идеологически нагруженных речевых актов выстраивается на основе комплекса концептов, одинаково понимаемых участниками этого дискурса. В ином случае коммуникация невозможна. Но это понимание, очевидное для участников и современников исторического дискурса, неочевидно для исследователя. Полагая, что понимание даже наиболее общих и универсальных концептов не претерпело изменений за прошедшее время, исследователь рискует модернизировать свою интерпретацию исторического текста и тем самым уйти от его оригинального прочтения и от значения, которое нес текст для современников. Эту методологическую проблему призван решать подход, который обобщенно может быть назван «история понятий». Под данным термином подразумевается исследование смыслов понятий и их трансформаций в географической и исторической динамике в текстах источников.

Русскоязычный термин «история понятий» закрепился в отечественной историографии за *Begriffsgeschichte* Р. Козеллека (при этом в англоязычной литературе принят перевод *history of concepts*, что несколько отличается по смыслу). Сущность своей исследовательской программы Р. Козеллек образно описывает так: «...история интерпретируется через ее понятия, а понятия понимаются исторически: история понятий имеет своим предметом соединение понятия и истории» (пер. К. Левинсона) [10. С. 38]. Это означает соединение историко-филологической критики семантики понятия и ономастики объекта в рамках текста с историзацией этой критики – прослеживанием динамики изменения смыслов, вкладываемых в понятие на протяжении определенного периода времени. Основопологающей посылкой Р. Козеллека при этом является тезис о том, что смыслы понятий претерпевают принципиальные сдвиги в связи с историческим процессом. Таким сдвигом исследователь считает наступление Нового времени в европейской истории – периода от Возрождения до Просвещения, и в особенности XVIII–XIX вв., когда формировался современный политический и общественный тезаурус. Конечная цель этой исследовательской программы, реализованной в *Geschichtliche Grundbegriffe* (Словаре основных исторических понятий) заключается в семантологическом понимании возникновения современного мира и, следовательно, в контроле над

смыслами современного словоупотребления [10]. Отсюда понятно, что Р. Козеллека интересовал в первую очередь период модерна.

Хотя в *Geschichtliche Grundbegriffe* история некоторых понятий рассматривается со времен Античности, как правило, в таких случаях это происходит бегло и чрезвычайно обобщенно, и автором является не сам Р. Козеллек. Тем не менее он затрагивал, например, тему понимания истории в древнеримские времена в своем тексте *“Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte”*, впервые опубликованном в 1979 г. [11]. В нем ученый раскрывал понимание известного нарицательного выражения об истории как учительнице жизни в период Античности и противопоставлял это понимание тому, которое родилось в эпоху Просвещения в результате актуализирующего переосмысления.

Несмотря на то, что внимание Р. Козеллека сосредоточено в первую очередь на изменениях в семантике и словоупотреблении, связанных с Новым временем, представляется, что возможно (с некоторыми оговорками) использовать его подход и для более ранних исторических периодов. Р. Козеллек фокусируется на рефлексивных определениях, приводимых в словарях, энциклопедиях, философских и политических текстах. Разумеется, период Нового времени как раз и отличается, среди прочего, чрезвычайным развитием энциклопедической литературы, и с этой точки зрения представляет большой простор для исследований по сравнению со Средневековьем. Но в то же время именно раннее Средневековье предоставляет исследователю такие уникальные, незаменимые с точки зрения истории понятий и при этом на данный момент уже хорошо изученные тексты, как «О значении слов» Секста Помпея Феста в эпитоме Павла Диакона [12, 13] и «Этимологии» Исидора Севильского [14, 15]. Кроме того, понимание социальных, политических и экономических концепций формулируется в соответствующих текстах или разделах текстов. Так, концепции истории и историописания зачастую описываются в вводных частях исторических сочинений или же в тематических работах, например «Как следует писать историю» Лукиана Самосатского [16].

Как отмечает Р. Козеллек, трансформация понятийного аппарата тесно связана с социальной историей и жизненным опытом авторов текстов. Поэтому невозможно, с его точки зрения, отделять и противопоставлять *Begriffsgeschichte* и социальную историю (как это часто делали его критики). Более того, он подчеркивает, что история понятий проясняет и дополняет социальную историю, поскольку показывает, что стоит за социологическими терминами в конкретный исторический период [17]. Действительно, в «Словаре основных исторических понятий» – монументальном научном проекте Р. Козеллека – рассматриваются такие ключевые социологические категории, как семья, общество, общность, народ, горожанин, крестьянин, – но при этом несравненно большая часть Словаря посвящена понятиям политическим и

идеологическим (демократия, консерватизм, анархизм, равенство, диктатура, власть, государство, союз и т.д.) [18]. Этот перекосяк в политический дискурс объясним стремлением создателей Словаря к дешифровке и демифологизации современного (модерного) немецкого политического лексикона и наиболее популярных понятий в нем. Цель проекта, несомненно, была достигнута, но этим значение Словаря не ограничивается. Существует множество социальных, экономических, культурных и иных концептов, которые не были охвачены данным исследованием, но важны для интерпретации источников. Такие концепты рассматривались в лингвистическом аспекте Э. Бенвенистом, предпринявшим попытку реконструировать общественные отношения на основании лингвистического анализа [19], в культурологическом – например У. Эко [20]. Но Р. Козеллек сформировал наиболее комплексную исследовательскую программу с точки зрения применимости к текстовым историческим источникам. На ее основе развивается направление исторической семантики и истории понятий в России (подчеркивая, что при всей разносторонности тематик исследований главный акцент делается не на политику, а на культуру) [21. С. 20].

Полемизируя с обвинениями в сугубо текстологической экзегезе, Р. Козеллек настаивает на референтной основе понятий, на безусловном существовании эмпирической исторической реальности как первичной по отношению к текстовой («долингвистической») – но порождающей тексты, которые, в свою очередь, становятся основой для эмпирики, встраиваясь в новые контексты [22. Р. 156–157]. Таким образом, лингвистическое и эмпирическое измерения, язык и история диалектически связаны, что сближает позицию Р. Козеллека с социальным конструктивизмом. Однако ориентированность Р. Козеллека (и в целом всей историографической традиции, основывающейся на истории понятий) на связь современности и эпохи модерна предполагает постоянное сопоставление с актуальным, современным политическим языком; собственно, сам принцип формулировки предмета исследования как тех концептов, которые востребованы в современности, приводит к определенной предзаданности, телеологичности самого исследования. В некотором смысле исследование отвечает на вопрос, почему и как сложилось все так, как сложилось. Но при таком подходе разнообразие и комплексность исторических дискурсивных практик рискуют быть искусственно ограниченными. В особенности это касается античных и раннесредневековых концептов – авторы Словаря зачастую лишь описывают радикальные семантические отличия античного тезауруса от современного. В этом они правы, но это же заставляет их искать и анализировать в античных концептах и понятиях преимущественно только то, что роднит их с современностью. Следствием может быть искусственная модернизация и (в большей или меньшей степени) игнорирование непосредственного исторического контекста. Так, касаясь трансформации концепта историописания в поздней античности, Р. Козеллек полагает, что христианские исто-

рики Евсевий, Августин и Орозий отбрасывали предшествующий классический инструментарий в той степени, в которой он не соответствовал христианскому мировоззрению [22. Р. 156]. Однако это утверждение базируется на современном историографическом дискурсе противостояния идеологических систем и при анализе в контексте своего времени (без осознанных или бессознательных исторических аналогий с эпохой модерна) может быть уверенно переосмотрено [4]. Проблема модернизации снимается изменением фокуса исследования с концептов и понятий современности на концепты и язык описания, релевантные рассматриваемой эпохе.

Историю понятий Р. Козеллека достаточно часто сопоставляют с исследованиями М. Фуко – как практически одновременные научные проекты в области исторических дискурсов, близкие по своим задачам (даже в большей степени, чем Кембриджская школа политической мысли Дж. Покока и К. Скиннера, с которой также сопоставляют идеи Р. Козеллека) [23. Р. XXIV; 24. Р. X]. Действительно, и история понятий, и генеалогический (или археологический) подход М. Фуко призваны деконструировать современные политические практики. В то же время, происходя из разных дисциплинарных и национальных традиций, эти подходы в достаточной степени отличаются, чтобы продуктивно дополнять друг друга. В частности, Д. Эдвардс указывает, что, несмотря на утверждения Р. Козеллека о связи между политическим (эмпирическим) опытом и концептами, через которые он осуществляется, на практике *Begriffsgeschichte* остается в основном формальным лингвистическим анализом. И в этом случае генеалогия концептов М. Фуко (или историческая онтология, как Д. Эдвардс ее называет вслед за Я. Хакингом) способна помочь выявить воздействие концептов на политические практики в конкретных исторических обстоятельствах [25]. Т. Панкаоски развивает критику подхода Р. Козеллека, указывая на то, что программа истории понятий как исследование становления нового политического языка в условиях Просвещения структурно построена на топосе конфликта и борьбы дискурсов. Это ограничивает ее эвристические возможности и в целом сужает исследовательскую перспективу [26]. М. Фуко избегает этого, представляя трансформацию дискурсивных формаций как органический процесс. Хотя оба автора рассматривают методологии Р. Козеллека и М. Фуко с позиции политологии, их высказывания релевантны и для исторического исследования.

Однако при том, что идеи М. Фуко хорошо коррелируют с программой истории понятий, существует заметное различие в фокусах этих двух методологий. Если история понятий связана с бытованием и преобразованием концептов, то для М. Фуко предметом анализа являются дискурсивные формации, состоящие из высказываний как дискурсивных событий. Каждое такое событие предлагается рассматривать в его уникальности, задаваясь вопросом, каким образом сформировалось именно данное высказывание, а не какое-либо другое. На этот вопрос дает ответ предлагаемая М. Фуко концепция дискурсивной фор-

мации – пространства фиксированных правил, в рамках которого высказывание может возникнуть только единственным образом [27. С. 73–74]. Примером в отношении поздней Античности и раннего Средневековья являются дискурсивные формации «упадка Рима», «вечного Рима», *renovatio imperii* и др. [28]. Каждая из этих формаций определяет рамки для используемых концептов (например, власти, империи, риторики, договоров, варварства и т.д.). Соответственно, анализируемый концепт или понятие в каждом отдельном случае его использования в высказывании может быть рассмотрен как часть определенной дискурсивной формации, что задает специфику его понимания в контексте дискурса.

Генеалогическая модель рассмотрения концепта показывает динамику изменения его роли, дефинирования и смыслов при переходах из одной дискурсивной формации в другую, а также причины этого перехода. Так, дискурсивные формации, относящиеся к риторике (Цицерон), праву (Дигесты), религии (Августин), могут использовать концепт истории, однако он не является в каждом отдельном случае семантически полностью тождественным всем другим. Концепт истории, который используется в дискурсах дохристианских авторов, церковной патристики, позднеантичной апологетической литературе, *res gestae*, историях церкви, раннесредневековых этимологиях и тому подобном, является, по сути, не целостной семантической единицей, а совокупностью смысловых кластеров, соответствующих дискурсивным формациям. Формирование же этой совокупности обусловлено заимствованиями понятий с заданными контекстом целями субъектами высказываний. Методологически М. Фуко здесь осуществляет переход от текста как вещи самой по себе к дискурсивной практике, определяемой контекстами высказывания и при регулярной повторяемости создающей дискурсивную формацию [29].

Призывая отказаться от реконструкции объектов прошлого («самих вещей») как референтов в пользу объектов дискурса (депрезентация), М. Фуко отнюдь не говорит о замыкании текста в самодостаточности (против чего выступает Р. Козеллек), но призывает сосредоточиться на условиях, субъекте и месте высказывания (и в целом на тексте именно как высказывании, что сразу заставляет увидеть фигуру адресанта) [27. С. 112–117]. Этот подход делает принципиальным знание об условиях возникновения исторического источника. Статус субъекта высказывания, его положение и условия, в которых совершалось высказывание, определяют заложенные в нем смыслы. Так, дискурс о варварах в письмах Сидония Аполлинария меняется в зависимости от его текущего социального положения (что не делает его беспринципным, как иногда о нем писали [30. С. 15]); специфика создания и жанра исторического сочинения Аммиана Марцеллина отличается от поэмы Клавдия Клавдиана и Истории против язычников Орозия, что предрасполагает к описанию тех же варваров тремя различными способами (используя при этом сходные или идентичные дискурсивные паттерны); и даже условно объединяе-

мые одним жанровым направлением *res gestae* работы Григория Турского, Иордана, Беды Достопочтенного и Павла Диакона используют дискурсы и концепты различным образом (концепт истории, например, как убедительно показал У. Гоффард [2]).

Рассматривая субъекта (адресанта) и объект высказывания, М. Фуко выносит за скобки своего анализа его направленность, интенцию и адресата. Таким образом, дискурс и дискурсивная практика показаны как монолог. Однако представляется, что его подход (как и программа *Begriffsgeschichte*) может быть продуктивно дополнен идеями так называемой Кембриджской школы политической мысли (в первую очередь К. Скиннера и Дж. Покока), основанными на взглядах Дж. Остина о высказывании как направленном действии (перлокутивный речевой акт), предполагающем получение определенного результата [31]. Хотя методологию К. Скиннера часто критикуют за сравнительную ограниченность рассматриваемых источников, намеренное сужение пространства анализа до исключительно политических трактатов (и, соответственно, ограниченность выводов) [29. Р. 33–34], ее эвристическая ценность несомненна. М. Рихтер, активный сторонник популяризации *Begriffsgeschichte* в англоязычной науке, подчеркивает возможность и даже необходимость взаимодействия Кембриджской школы и истории понятий Р. Козеллека, хотя и признавая в целом, что исследовательская программа последнего значительно шире по объему и масштабнее по выводам, чем прививка лингвистической философии к анализу политических идеологий, которую осуществляет К. Skinner [32, 33]. Последний показал в своей статье пример рассмотрения истории понятия *state*, достаточно близкий, по мнению М. Рихтера, тем образцам, которые создавались в рамках «Словаря основных исторических понятий» [34]. Однако там, где *Begriffsgeschichte* предполагает формирование обобщенной картины политического языка эпохи, подход К. Скиннера позволяет углубиться в анализ частных интеллектуальных казусов. На материале поздней Античности и раннего Средневековья этому в наибольшей степени, как представляется, соответствует насыщенная идеологическая полемика церковных авторов на Востоке и отчасти на Западе; кроме того, несмотря на то что жанра собственно политических трактатов в этот период не существовало, значительная часть источников так или иначе касается власти в различных ее аспектах. Но методология Кембриджской школы результативна и при использовании на более широком, нежели политическая полемика, круге источников. При работе с позднеантичными и раннесредневековыми текстами вполне резонно можно исходить из того, что практически все они являются высказываниями, и высказываниями в широком смысле политическими – т.е. связанными с борьбой за статусы и влияние.

Таким образом, для анализа исторического понятийного дискурса в его полноте возможно воспользоваться историей понятий в трактовке Р. Козеллека с дополнением определенных элементов теории дискурса и генеалогии понятий М. Фуко и Кембриджской

школы истории политической мысли в лице К. Скиннера (и отчасти Дж. Покока). Понятие рассматривается в динамике трансформации его семантики и дефиниций, синонимических и антонимических связей, ассоциаций и референций, соответствующих дискурсов и контекстов использования, что делает объект изучения многомерным.

Для изучения дискурсов и концептов поздней Античности и раннего Средневековья с позиции истории понятий существует два явных ограничения. Во-первых, это эмпирическая проблема ограниченности источниковой базы, сохранившейся избирательно и не дающей возможности представить всю полноту контекстов использования концепта (что является методологическим требованием Р. Козеллека и М. Фуко). Во-вторых, онтологическая проблема привязанности методологий к современным политическим дискурсам и к вопросу становления современного политического языка, что задает ретроспективную позицию исследователя. Представляется, что более продуктивно в исследовательском плане было бы использование проспективной позиции, при которой в фокусе внимания находится развертывание концепта от некоторого обозначенного исходного спектра пониманий без заранее заданного итога. Это позволит избежать приписывания авторам и текстам каких-либо идей и значений, появившихся позже, против чего горячо выступал К. Skinner в своем основополагающем манифесте [35]. Что касается проблемы относительной немногочисленности сохранившихся источников и их тематической и жанровой специфики, то это накладывает ограничения на возможности выявления всех контекстов использования понятий (в качестве примера – отсутствие текстов, признанных в свое время еретическими, что ограничивает понимание полемического религиозного дискурса). Однако это не мешает выделять дискурсивные формации и проследивать интертекстуальность, заимствование и переназначение смыслов концептов внутри них. Представляется, что подобный подход полезен при рассмотрении раннесредневековых текстов как дискурсивных бриколажей (или центонно-парафразных структур, в терминологии И.Н. Данилевского). Данная особенность источников зачастую затрудняет определение субъекта высказывания (поскольку он зачастую анонимен), однако позволяет работать с его объектом и интенцией. Определение последних и соотношение их с уже обозначенными дискурсами и дискурсивными формациями дает возможность делать выводы и о субъекте.

Прояснению интенциональности субъекта высказывания (которая является существенной проблемой для Кембриджской школы) способствует привлечение наработок критического дискурс-анализа Н. Фэркло и развивающего его исторического дискурс-метода Р. Водак. Методы дискурс-анализа генеалогически восходят к взглядам М. Фуко, развивают и дополняют их. Поэтому представляется возможным рассмотреть эти методы с точки зрения возможности их применения к античным и средневековым источникам. Однако необходимо сразу оговориться, что дискурс-

аналитические подходы создавались и развивались на проблематике современности, соответственно, они предполагают работу с современными текстами. Например, цель критического дискурс-анализа (КДА) – эмансипация политического сознания через выявление суггестивных идеологических паттернов и, таким образом, освобождение от дискурсивного манипулирования со стороны властных акторов. Такой постановкой цели КДА сам заявляет о себе как о политическом акторе, включенном в актуальную борьбу идеологий [36. С. 201; 37. Р. 11]. При перенесении приемов КДА на материал отдаленного прошлого лево-радикалистский посыл, лежащий в его основе, становится не востребован, и отсюда результативность такого переноса оказывается под сомнением. Также ряд подобных подходов требует междисциплинарного – в первую очередь социологического – взаимодействия и детального знания контекста, поскольку интенции высказываний выявляются из тщательной реконструкции сопутствующей ситуации.

Тем не менее ряд тезисов КДА возможно использовать при анализе средневековых текстов. Так, Н. Фэркло указывает на взаимосвязь и взаимообусловленность дискурсов и социальных структур – в диалектическом единстве дискурсы формируются в рамках социума, но также и формируют его через дискурсивные события и практики; конституируются и конституируют [37. Р. 59]. Этот тезис вполне применим к большинству античных и средневековых работ. Каждая из них формировалась в условиях определенного исторического и социального контекста, что прослеживается в языке, структуре и жанре (выше об этом уже говорилось в связи с концепциями Р. Козеллека и К. Скиннера). Н. Фэркло определяет контекст через концепцию социальной практики – существующих структурных и институциональных взаимодействий и противоречий в социуме. Актуальные социальные практики, по его мнению, создают идеологический фон и определяют политическую подоплеку дискурсивного высказывания. Но также следует учитывать и формирующий аспект социального воздействия текста – то, что Н. Фэркло включает в понятие дискурсивной практики. Под этим термином он подразумевает единство практик производства, распространения и потребления текста. Наконец, кроме социальных и дискурсивных практик, необходимо анализировать сам текст – его лингвистические, фонетические, семантические характеристики. Такой подход позволяет рассматривать дискурс многомерно, объемно – учитывая и динамику его развертывания, и статику структуры. К сожалению, поскольку данный подход рассчитан на изучение современного дискурса, все его требования к многомерности и верифицированности контекста при применении к средневековым текстам выполнить невозможно. Собственно, необходимый социальный и дискурсивный контекст реконструируется из самих текстов, относительно немногочисленных, и носит в той или иной степени предположительный характер. Поэтому возникает рекурсивная петля интерпретаций, выход из которой лежит между двумя крайностями: признанием непро-

зрачности прошлого и сосредоточением на текстологическом анализе, признанием референтности текста и через нее принципиальной реконструируемости прошлого. В отличие от развернутого социологического и политологического анализа условий появления текста, который требуют Н. Фэркло и другие последователи КДА, при работе со средневековым источником необходимо опираться на конвенциональные характеристики соответствующего периода или аналогии и сопоставления, т.е. на так называемое внеисточниковое знание. Однако это не является непреодолимым препятствием для использования КДА – точнее, методологических наработок этого подхода – в антиковедении и медиевистике. Представляется, что в большинстве случаев объем знания о контексте создания и бытования исторического текста достаточен для интерпретации дискурса, пусть и не с той степенью детальности, которая возможна в условиях современности.

Развитием подхода Н. Фэркло является исторический дискурс-метод (или в другом, более буквальном варианте перевода, – дискурсивно-исторический подход, *the discourse-historical approach*; ДИП), разработанный Р. Водак и рядом других авторов. Несмотря на отсылки к истории в названии, этот подход также изначально не предназначен для анализа исторических текстов. Подчеркивание значения истории обусловлено одним из принципов этого подхода – интерпретации дискурсов осуществляются только с опорой на данные об историческом контексте. По сути, это принцип историзма. Относительно большее внимание к историческому контексту по сравнению с КДА связано со стремлением усилить аспект исторической динамики в интерпретации дискурсов, показать их изменчивость и привязанность к сиюминутным контекстуальным тематикам и топикам. Этот методологический тезис вполне сочетается и с историческим исследованием, что делает возможным использование ДИП (или, опять же, его инструментария) для работы с историческими текстами.

Прежде чем перейти к рассмотрению инструментария, предложенного Р. Водак, следует остановиться на другом принципе ее подхода. Это фокусировка на актуальной политической проблеме и ее практическом решении с помощью дискурс-анализа, а не на изучении отдельных лингвистических или семантических единиц [38. Р. 69–70]. Благодаря этому принципу ДИП является не просто одним из аналитических методов, но способом политического действия, а исследователь в этом случае становится политическим актором. Для Р. Водак и других последователей ДИП это чрезвычайно важный аспект, поскольку он определяет совершенно иную, нежели обычно принято, позицию исследователя: он должен быть вовлечен, включен в политический процесс, участвуя в нем через разоблачение, деконструкцию манипулятивных стратегий дискурса. Это должно привести к изменению самого политического дискурса и возникновению более честной и прозрачной политики по отношению к избирателю.

Разумеется, исследователь Античности и Средневековья не может занимать подобную позицию. Тем

не менее задача деконструкции дискурса представляется актуальной и в отношении средневековых текстов – с целью понимания исторических особенностей трансляции политических идей. Насколько часто применялись манипулятивные стратегии в разных исторических контекстах, были ли периоды, когда политические высказывания являлись более прозрачными, каким образом реагировал политический дискурс (и в более общем смысле дискурс об организации общества) на социальную конъюнктуру – все эти проблемы могут быть поставлены и решены при историзации исследовательской программы. И в этом может помочь тщательно разработанный исследовательский инструментарий, который предлагает ДИП.

Основываясь на одной из классических работ по риторике и аргументации [39], ДИП предлагает рассматривать высказывание или текст как элемент во взаимодействии между источником высказывания и его реципиентами, призванный в чем-либо убедить аудиторию. Высказывание, таким образом, содержит тезис и его аргументацию. Однако оно формируется не только на основе формальной логики, но на базе практики, конкретного временного, культурного и личностного контекста, в котором находится автор этого высказывания. Такой контекст предварительно задает социальные и лингвистические форматы высказывания еще до его осуществления (теория планирования текста) – автор конструирует (планирует) высказывание на основе имеющихся у него представлений (фреймов) о подобных ситуациях и образцов (схем) типологически (жанрово) близких высказываний. То есть высказывание рассматривается как часть конкретной риторической ситуации [40], преломленной через знания и представления автора [36. С. 212–213]. Однако для того, чтобы высказывание достигло планируемой цели, т.е. убедило реципиента, необходимо предполагать, что реципиент (слушатель или читатель) находится в таком же или близком социально-лингвистическом контексте, как и автор. Р. Водак сразу отмечает возможность полной идентичности контекстов и, соответственно, полной валидности высказывания. С ее точки зрения реципиент всегда интерпретирует высказывание, исходя из собственного представления о ситуационных фреймах и жанровых схемах, а также о социальном контексте (интегративная модель понимания) [36. С. 214]. В этой концепции планирования–понимания усматривается методологическая корреляция с идеей М. Фуко о дискурсивных формациях и рассуждениями Кембриджской школы о специфических языках (*parole*) внутри жанров и тем. Подобным же образом ДИП понимает дискурс как последовательность тематически связанных лингвистических актов (высказываний) в социальных контекстах, конструирующую определенный дискурсивный фрейм.

Высказывание как социальное действие, акт, предполагает адресата и конечную цель убедить этого адресата в чем-либо. Раскрытие механизма воздействия на адресата, заложенного в высказывании, является критически важным шагом при реконструкции особенностей исторических коммуникаций, и через

это – мировоззрений. В рамках ДИП для анализа аргументации в высказывании предлагается использовать концепт топоса. Под топосом в данном случае понимается устойчивая стратегия аргументации, связка между утверждением (тезисом), аргументом и выводом [41. С. 114]. В отличие от классической формальной схемы Аристотеля (силлогизма), Р. Водак, опираясь на работы М. Венгелера, предлагает пользоваться топосами, связанными с содержанием (высказывания). В риторическом политическом высказывании это зачастую более релевантно, поскольку цель такого высказывания – не обнаружить истину, а убедить реципиента. Поэтому по содержанию аргументации могут быть выделены топосы народа, выгоды, угрозы, спасителя, истории и т.д. – в зависимости от того, какой устойчивый дискурсивный концепт использует актор для подтверждения своего тезиса [41. С. 117]. Выявление таких топосов и концептов, к которым они апеллируют, позволяет сформировать представление о специфике дискурса в целом, его особенностях и типологии, месте в системе языковой картины эпохи.

В заключение следует подытожить все вышесказанное, произведя сборку рассмотренных методов и аналитических инструментов в модель работы с текстом исторического источника. Целью такой работы (как и любого текстологического анализа) являются расшифровка смысла и значения дискурсивного текста в его историческом бытовании, выявление этого смысла для современного читателя. Тем самым решается проблема презентизма в восприятии и интерпретации исторической информации. Эта проблема стоит особенно остро в отношении изучения домодерных обществ в силу мировоззренческой дистанции и поэтому требует возможно более комплексного подхода. Предлагаемый в настоящей статье метод апеллирует к различным аналитическим направлениям с целью приблизиться к искомой комплексности. Прежде чем приступить к его сборке и описанию, обозначим исходные теоретические рамки:

1. Предметом рассмотрения и анализа является дискурс, понимаемый как коммуникативное пространство порождения и трансформации смыслов и значений. Исторические тексты являются репрезентантом этого пространства для исследователя. Текст состоит из высказываний как дискурсивных событий (актов, конституирующих дискурсивное пространство) и сам по себе является своего рода метавысказыванием.

2. Как высказывание текст существует в дискурсивной практике, т.е. имеет адресанта (автора, писателя), адресата (реципиента, читателя) и условия создания и прочтения.

3. Дискурсивное высказывание является перлокутивным речевым актом, т.е. сознательным действием адресанта (автора), направленным на достижение определенной цели у предполагаемой аудитории – читателей. Это делает высказывание коммуникативным событием, а ситуацию его прочтения – риторической ситуацией.

4. Предполагаемый эффект дискурсивного высказывания обусловлен его пониманием аудиторией, что

определяется нахождением в рамках общих правил дискурсивной формации, языка, фрейма, жанра (планирование–понимание).

5. Данные рамки подвижны, связаны с историческим контекстом и определяются предшествующей дискурсивной традицией.

6. Дискурсивная традиция и практика происходят из социальной практики, но также одновременно формируют ее.

Соответственно, при анализе текста с этих позиций первым и критически важным шагом является определение авторства, времени и места его создания. Основываясь на этом, можно приступить к реконструкции дискурсивного и социального контекста создания анализируемого произведения. Все дальнейшие этапы анализа основываются на данной атрибуции, поэтому ее пересмотр означает изменение результатов всего исследования. В отношении древних и средневековых источников точная атрибуция часто затруднена [42. С. 285]. Поэтому необходима предварительная палеографическая, археографическая и текстологическая работа с источником или же критический анализ уже имеющейся соответствующей исследовательской традиции. Кроме того, отдельным важным вопросом является авторство. Проблема авторства в позднеантичных и средневековых произведениях многократно рассматривалась в историографии в связи со спецификой средневекового летописания и церковной литературы, и отдельно останавливаться на ней здесь представляется излишним. Скажем лишь несколько слов о сущности дискуссии. Как отмечал Р. Барт, фигура автора принадлежит Новому времени, когда личностная активность и оригинальность выходят на первый план по сравнению с приоритетом традиции [43. С. 385]. Однако абсолютизировать традицию и аспект имитации и подражательства или центонности и на этом основании отказывать создателю текста в собственном голосе представляется неверным. С.С. Аверинцев представляет авторство в античной литературе как диалог и борьбу, с одной стороны, личности автора, с другой – авторитета предшественников [44. С. 122]. Эта характеристика вполне применима и для текстов Средневековья. Использование автором текстов и языка своих предшественников, имитация, продолжительность и эпигонство сами по себе являются предметом анализа и способны прояснить смысл текста как высказывания.

Следующий шаг в анализе текста – определение его жанровой принадлежности. Жанр (эпос, комедия, трагедия, история, жизнеописание, философский диалог, перипл, эпистолярный жанр и т.д.) дает возможность обозначить дискурсивный фрейм и формацию – а это, в свою очередь, позволяет выделить традицию, которой придерживается данный автор. Под традицией следует понимать в данном случае предшествующие тексты, на которые опирается автор и которые он

использует, перефразирует, с которыми ведет свой диалог или дискуссию, а также в конечном счете язык описания, которым он пользуется в рамках этой дискуссии. Зачастую сам автор указывает эту традицию, упоминая тексты, являющиеся для него образцом, источником или предметом оспаривания.

Если дискурсивный фрейм помогает понять особенности правил и структуры построения текста, то дискурсивная формация как группа текстов-высказываний выстраивается вокруг одной или нескольких взаимосвязанных идей. Содержание этих идей, их значение и смысл для автора текста можно выявить через анализ ключевых понятий-концептов в контекстах их использования. Исходной точкой для такого анализа является выявление общепринятого к моменту создания текста смысла понятия, для чего необходимую методику предоставляет история понятий. В особенности она необходима, поскольку важно проследить предшествующую линию трансформации концепта, что позволяет обнаружить привнесение автором собственных, индивидуальных смыслов в семантическую картину понятия, возможные попытки его пересборки или переозначения. Если таковые действительно имеют место, то это дает дополнительную информацию об интенции и позиции автора при создании текста.

Наконец, двигаясь от общих определений к частным характеристикам текста, следует выделить дискурсивные топосы, которыми оперирует автор. Определение топосов, т.е. доминирующих приемов и образов аргументации, подтверждения и убеждения, раскрывает картину не только того, *что* хочет сказать автор, но и *как* именно он это хочет сказать, что дает возможность реконструировать его идеологические приоритеты, мировоззрение, образование. Кроме того, анализ дискурсивных топосов позволяет сформировать представление о читателе-реципиенте текста как высказывания – точнее, о том, как автор видел своего читателя, какие качественные характеристики он предполагал в читателе, к чему апеллировал. В связи с этим естественным завершающим этапом анализа выглядит рассмотрение действительной реакции читателя на текст-высказывание, т.е. исследование социальной практики текста. В отношении текстов Античности и Средневековья зачастую сам факт их сохранности и распространенности, достаточной, чтобы пережить столетия, говорит о реакции читателей-реципиентов, – но при этом достаточно редки и тем уникальны случаи, когда в полной мере сохраняются и сами высказывания, и ответы на них.

Представляется, что предложенный вариант анализа дискурса исторических текстов позволяет достаточно полно реконструировать специфику дискурсивных практик эпохи и раскрыть смысловую интенцию автора в дискурсивном и социальном контекстах своего времени.

Список источников

1. Halsall G. The sources and their interpretation // The New Cambridge Medieval History. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. Vol. 1. P. 56–90.
2. Goffart W. The Narrators of Barbarian History. Princeton : Princeton University Press, 1988. 491 p.

3. Cameron A., Long J. *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkley : University of California Press, 1993. 441 p.
4. Cameron A. *The Last Pagans of Rome*. Oxford : Oxford University Press, 2011. 896 p.
5. Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л. Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М. : Наука, 1986. 256 с.
6. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М. : Языки русской культуры, 1996. 448 с.
7. Рабинович Е.Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М. : Наука, 1985. С. 217–276.
8. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. 288 с.
9. Старостин Д.Н. От поздней Античности к раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). СПб. : Нестор-История, 2017. 488 с.
10. Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 23–44.
11. Koselleck R. *Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte* // Koselleck R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. S. 38–66.
12. Verrius, Festus and Paul: *Lexicography, Scholarship and Society*. London : Institute of Classical Studies, 2007. 196 p.
13. Павел Диакон. Эпитома сочинения Секста Помпея Феста «О значении слов». М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 496 с.
14. Barney S.A., Lewis W.J., Beach J.A., Berghof O. *The Etymologies of Isidore of Seville*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 475 p.
15. Исидор Севильский. Этимологи, или Начала в XX книгах. СПб. : Евразия, 2006. Кн. I–III. 352 с.
16. Лукиан. Как следует писать историю // Лукиан. Сочинения. СПб. : Алетейя, 2001. Т. 2. С. 81–99.
17. Koselleck R. *Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte* // Koselleck R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. S. 107–129.
18. *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* : 8 Bände in 9. Stuttgart : Klett-Cotta, 1972–1997.
19. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
20. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. М. : АСТ, 2014. 352 с.
21. Кагарлицкий Ю.В., Маслов Б.П. Между Фреге и Фуко: методологические ориентиры исторической семантики // Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики. М. : Новое литературное обозрение, 2019. С. 9–38.
22. Koselleck R. *Linguistic Change and the History of Events* // Koselleck R. *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford University Press, 2018. P. 137–157.
23. Hoffmann S.-L., Franzel S. *Introduction: Translating Koselleck* // Koselleck R. *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford University Press, 2018. P. ix–xxxi.
24. Tribe K. *Introduction* // Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Columbia University Press, 2004. P. vii–xx.
25. Edwards J. *The Ideological Interpellation of Individuals as Combatants: An Encounter Between Reinhart Koselleck and Michel Foucault* // *Journal of Political Ideologies*. 2007. № 12. P. 49–66.
26. Pankakoski T. *Conflict, Context, Concreteness: Koselleck and Schmitt on Concepts* // *Political Theory*. 2010. № 38 (6). P. 749–779.
27. Фуко М. Археология знания. СПб. : Гуманитарная академия ; Университетская книга, 2004. 417 с.
28. Osiander A. *Before the State: Systemic Political Change in the West from the Greeks to the French Revolution*. Oxford : Oxford University Press, 2008. 576 p.
29. Andersen N.A. *Discursive Analytical Strategies. Understanding Foucault, Koselleck, Laclau, Luhmann*. The Policy Press, 2004. 160 p.
30. Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века // Сочинения С.В. Ешевского. Часть третья. М. : Изд. К. Солдатенкова, 1870. С. 1–342.
31. Скиннер К. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 123–141.
32. Рихтер М. Покок, Скиннер и *Begriffsgeschichte* // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 347–380.
33. Richter M. *The History of Political and Social Concepts: a Critical Introduction*. Oxford : Oxford University Press, 1995. 224 p.
34. Скиннер К. *The State* // Понятие государства в четырех языках. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2002. С. 12–74.
35. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.
36. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. М. : Гуманитарный центр, 2009. 356 с.
37. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language*. Routledge, 2010. 591 p.
38. Wodak R., Meyer M. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London : Sage, 2002. 200 p.
39. Toulmin S. *The Uses of Argument*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 247 p.
40. Bitzer L. *The Rhetorical Situation* // *Philosophy & Rhetoric*. 1968. № 1. P. 1–14.
41. Водак Р. Политика страха. Харьков : Гуманитарный центр, 2018. 404 с.
42. Лихачев Д.С. Текстология. СПб. : Алетейя, 2001. 759 с.
43. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 384–391.
44. Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М. : Наука, 1994. С. 105–125.

References

1. Halsall, G. (2005) *The sources and their interpretation*. In: *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 56–90.
2. Goffart, W. (1988) *The Narrators of Barbarian History*. Princeton: Princeton University Press.
3. Cameron, A. & Long, J. (1993) *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkley: University of California Press.
4. Cameron, A. (2011) *The Last Pagans of Rome*. Oxford: Oxford University Press.
5. Averintsev, S.S. & Gasparov, M.L. (1986) *Problemy literaturnoy teorii v Vizantii i latinskom srednevekov'e* [Problems of literary theory in Byzantium and the Latin Middle Ages]. Moscow: Nauka.
6. Averintsev, S.S. (1996) *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
7. Rabinovich, E.G. (1985) "Zhizn' Apolloniya Tianskogo" Flaviya Filostrata [Life of Apollonius of Tyana by Flavius Philostratus]. In: *Philostratus. Zhizn' Apolloniya Tianskogo* [Life of Apollonius of Tyana]. Moscow: Nauka. pp. 217–276.
8. Tyulenev, V.M. (2005) *Rozhdenie latinskoj khristianskoj istoriografii* [The birth of Latin Christian historiography]. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko.
9. Starostin, D.N. (2017) *Ot pozdney Antichnosti k rannemu Srednevekov'yu: Formirovanie struktur vlasti i ee obrazov v korolevstve frankov v period pravleniya Merovingov (V–VIII vv.)* [From Late Antiquity to the early Middle Ages: The formation of power structures and its images in the kingdom of the Franks during the reign of the Merovingians (5th–8th centuries)]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
10. Koselleck, R. (2014) *Vvedenie* [Introduction]. In: *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy* [Dictionary of basic historical concepts]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 23–44.

11. Koselleck, R. (1995) *Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte*. In: Koselleck, R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. pp. 38–66.
12. Institute of Classical Studies. (2007) *Verrius, Festus and Paul: Lexicography, Scholarship and Society*. London: Institute of Classical Studies.
13. Paul the Deacon. (2018) *Epitoma sochineniya Seksta Pompeya Festa "O znachenii slov"* [Epitome of Festus' "On the meaning of words"]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh iniciativ.
14. Barney, S.A., Lewis, W.J., Beach, J.A. & Berghof, O. (2006) *The Etymologies of Isidore of Seville*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Isidore of Seville. (2006) *Etimologi, ili Nachala v XX knigakh* [The Etymologies]. Books I–III. Saint Petersburg: Evraziya.
16. Lucian. (2001) *Kak sleduet pisat' istoriyu* [How to write history]. In: *Sochineniya* [Writings]. Vol. 2. Saint Petersburg: Aleteyya. pp. 81–99.
17. Koselleck, R. (1995) Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. In: Koselleck, R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. pp. 107–129.
18. Klett-Cotta. (1972–1997) *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland: 8 Bände in 9*. Stuttgart: Klett-Cotta.
19. Benveniste, E. (1995) *Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European Concepts and Society]. Translated from English. Moscow: Progress-Univers.
20. Eco, U. (2014) *Iskusstvo i krasota v srednevekovoy estetike* [Art and beauty in the Middle Ages]. Translated from French. Moscow: AST.
21. Kagarlitskiy, Yu.V. & Maslov, B.P. (2019) *Mezhdru Frege i Fuko: metodologicheskie orientiry istoricheskoy semantiki* [Between Frege and Foucault: methodological guidelines for historical semantics]. In: *Ponyatiya, idei, konstruksii. Ocherki sravnitel'noy istoricheskoy semantiki* [Concepts, ideas, constructions. Essays on Comparative Historical Semantics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 9–38.
22. Koselleck, R. (2018) Linguistic Change and the History of Events. In: Koselleck, R. *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford University Press. pp. 137–157.
23. Hoffmann, S.-L. & Franzel, S. (2018) Introduction: Translating Koselleck. In: Koselleck, R. *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford University Press. pp. ix–xxxi.
24. Tribe, K. (2004) Introduction. In: Koselleck, R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Columbia University Press. pp. vii–xx.
25. Edwards, J. (2007) The Ideological Interpellation of Individuals as Combatants: An Encounter Between Reinhart Koselleck and Michel Foucault. *Journal of Political Ideologies*. 12. pp. 49–66.
26. Pankakoski, T. (2010) Conflict, Context, Concreteness: Koselleck and Schmitt on Concepts. *Political Theory*. 38 (6). pp. 749–779.
27. Foucault, M. (2004) *Arheologiya znaniya* [The Archeology of knowledge]. Translated from French. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; Universitetskaya kniga.
28. Osiander, A. (2008) *Before the State: Systemic Political Change in the West from the Greeks to the French Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
29. Andersen, N.A. (2004) *Discursive Analytical Strategies. Understanding Foucault, Koselleck, Laclau, Luhmann*. The Policy Press.
30. Eshevskiy, S.V. (1870) Apollinariy Sidoniy, epizod iz literaturnoy i politicheskoy istorii Gallii V veka [Apollinaris Sidonius, an episode from the literary and political history of Gaul in the 5th century]. In: *Sochineniya S.V. Eshevskogo* [Works by S.V. Eshevsky]. Part 3. Moscow: Izd. K. Soldatenkova. pp. 1–342.
31. Skinner, K. (2018) Motivy, namereniya i interpretatsiya tekстов [Motives, Intentions and Interpretation of Texts]. In: *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 123–141.
32. Richter, M. (2018) Pokok, Skinner i Begriffsgeschichte [Pocock, Skinner, and the Geschichtliche Grundbegriffe]. In: *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 347–380.
33. Richter, M. (1995) *The History of Political and Social Concepts: a Critical Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
34. Skinner, K. (2002) The State. In: *Ponyatie gosudarstva v chetyrehkh yazykakh* [The concept of the state in four languages]. Saint Petersburg: European University at St. Petersburg. pp. 12–74.
35. Skinner, K. (2018) Znachenie i ponimanie v istorii idey [Meaning and Understanding in the History of Ideas]. In: *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 53–122.
36. Titscher, S., Meyer, M., Wodak, R. & Vetter, E. (2000) *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of text and discourse analysis]. Translated from English. Moscow: Gumanitarnyy tsentr.
37. Fairclough, N. (2010) *Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language*. Routledge.
38. Wodak, R. & Meyer, M. (2002) *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage.
39. Toulmin, S. (2003) *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
40. Bitzer, L. (1968) The Rhetorical Situation. *Philosophy & Rhetoric*. 1. pp. 1–14.
41. Wodak, R. (2018) *Politika strakha* [The politics of fear]. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr, 2018. 404 c.
42. Likhachev, D.S. (2001) *Tekstologiya* [Textology]. Saint Petersburg: Aleteyya.
43. Barthes, R. (1989) Smert' avtora [The death of the author]. In: *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress. pp. 384–391.
44. Averintsev, S.S. (1994) Avtorstvo i avtoritet [Authorship and authority]. In: *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness]. Moscow: Nauka. pp. 105–125.

Информация об авторе:

Коньков Д.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dkonkov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.S. Konkov, Cand. Sci., associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 24.10.2021;
одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 24.10.2021;
approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.